

Люба Брауде (Гордон)

Из «Письма к моим детям»

Июнь 1991 г.

Перевод с английского Рут Брашинской.

Я не писатель и никогда не была красноречивой, но пока я помню, что случилось в моей мишпохе (семье), мне хочется это записать.

Наконец, мамина мечта сбылась, после четырех мальчиков у нее родилась маленькая девочка. У всех пятерых детей были синие глаза.



В 1927 г. была депрессия, и я родилась за неделю до нашего еврейского Пейсаха, что жизнь не облегчило. Мама хорошо приспособилась к трудностям. Девушкой она окончила институт в Санкт-Петербурге в самом начале XX века и получила хорошее еврейское и религиозное образование среди пяти мальчиков и трех девочек в семье. Хая Каплан вышла замуж за Соломона Гордона, жителя Эстонии во втором поколении. После свадьбы родители поселились в Нарве на границе Эстонии и России.

В 1917 г., спасаясь от русской революции, родители переехали в Ревель, Эстония. Ревель был небольшим портом на Балтийском море. В 1918 г. независимость превратила Ревель в Таллинн, и с тех пор он стал столицей Эстонии.

По старой еврейской традиции новорожденного ребенка следовало назвать в честь умершего предка, так родилась еще одна Либ-Мале. Либ-е – это по-русски Люба, и эта Люба оказалась уже третьей среди ее кузин. А так как она была самой младшей из них, ее всегда звали маленькая Люба.

Насколько я помню, у меня было счастливое детство. Четверо моих братьев любили и баловали меня. Биня, младший из них и на пять лет старше меня, обычно отводил меня в детский сад и приводил домой.



В детском саду мы с моей подругой Сундой всегда принимали участие во всех постановках, особенно музыкальных. Я хорошо запоминала мелодии, но хуже – слова, а Сунда, наоборот, хорошо запоминала слова, но не так хорошо – мелодии. Поэтому мы всегда были вместе.

Двое старших братьев, Яша и Габи, были очень музыкально одаренными. Яша не смог учиться в консерватории из-за финансовых трудностей. Он окончил курсы счетоводов и стал работать на лесопильном заводе. Сколько я его помню – он работал на этом заводе. Габи получил стипендию, с отличием окончил консерваторию по классам скрипки, рояля и композиции. Мы все очень любили слушать, как Габи играет на скрипке, а Яша аккомпанирует ему на рояле. В начале 30-х гг. мы часто меняли квартиры. Я до сих пор смутно помню квартиру на улице Рауа и в ней бар-мицву Изи, очень хорошо помню, что квартира была рядом с булочной на этой улице. Мне исполнилось 5 лет, и мама купила небольшой торт, чтобы отнести в детский сад и отметить мой день рождения.



Семья Гордон в 1936 г. Слева-направо: Яков, Хая Гордон (Каплан), Беньямин, Либа Брауде (Гордон), Израиль, Соломон, Габриель

Папа шил военную форму и фуражки для армии, но в годы депрессии родители научились шить мужские брюки для рынка или для специальных магазинов. Папа кроил и утюжил, а мама шила. Летом у мамы была помощница. Иногда папа вместо денег брал за работу купоны, тогда он мог купить более дешевую обувь для всей семьи.

Когда мне исполнилось 7 лет, мы переехали на улицу Томпи 27-1, это было недалеко от парка Кадриорг и пляжа.

В 1710 г. Петр I завоевал Эстонию и построил в Таллинне для Екатерины Великой очень красивый дворец. Он находится под охраной государства, в нем расположен музей. Там же до сих пор стоит баня Петра.

Летом мама будила меня рано утром, и мы шли через парк к морю поплавать. По дороге мы любовались цветами и слушали пение птиц. Потом мама торопилась обратно к швейной машине. По субботам мы оставались на пляже подольше, но нам надо было быть дома к приходу папы из синагоги.

Во второй половине дня родители снова брали меня в парк, мы слушали игру оркестра, и мне покупали мороженое.

На улице Томпи дом был двухэтажный, и в нем было четыре квартиры. Мы жили на первом этаже, у нас было три комнаты, небольшая прихожая, кухня, туалет и маленький погреб.

В прихожей были Бинин письменный стол и книжная полка. Зимой в ней было очень холодно, мы вешали там наши пальто и оставляли сапоги. В большой комнате была голландская печка для обогрева зимой, большой обеденный стол со стульями, рояль. На рояле – скрипки, книжная полка. У одной стены стоял большой буфет высотой до потолка. Яша, Габи и Изи спали вокруг стола. На ночь мальчики устраивали себе постели на козлах. Эти козлы хранились в туалете, который больше использовался в качестве кладовки.

Раз в неделю мы ходили в баню, а умывались каждый день под краном. У родителей была своя спальня, где хранилась вся наша одежда и постельные принадлежности. В третьей комнате у родителей были две швейные машины, большой тяжелый стол, где папа кроил и утюжил брюки. В будние дни мы ели за этим столом. Когда мне было 9-10 лет, моей обязанностью было постелить на стол клеенку перед каждой едой. В углу этой комнаты была моя кровать и маленький шкаф для моей школьной формы. Биня спал рядом со мной на раскладушке до тех пор, пока Яша не пошел в армию; тогда он перешел спать в большую комнату. Пятничный ужин, субботний обед и праздничные трапезы всегда были в большой комнате.

У меня приятные воспоминания о пятницах и субботах. Зимой, когда мы приходили из школы, в доме пахло едой, готовящейся к субботе, халами, пирогами с творогом, рыбой и цимесом (тушеная морковь с черносливом). Пока мужчины были в синагоге, нас навещали тети. Я помогала накрывать субботний стол. Мама пекла для каждого из нас маленькую халу, и у меня были свои маленькие подсвечники. В субботу мама отдыхала. Когда папа приходил из синагоги, он мыл руки и доставал столовые принадлежности, раскладывал их и благославлял хлеб. Тогда мама выходила из спальни и подавала еду. В пятницу мы никогда не убирали со стола скатерть после еды, оставляли подсвечники на столе до конца субботы.

Летом мы ужинали рыбой около 6 часов вечера и говорили киддуш около 9 часов. В субботу днем мы ели холодную телятину, салат и клубнику или компот.

С 1935 г. в доме оставалось только три мальчика. Когда Яша вернулся из армии, пошел служить Габи. После 18 месяцев службы он продолжал учиться музыке. Кто-то из еврейской общины предоставил средства, и Габи поехал во Францию, в Парижскую консерваторию.

До отъезда в Париж Габи организовал группу из семи музыкантов, он назвал свой оркестр «Серебряная семерка». Мама помогла сделать маленькие флажки, вышив на каждом из них эти слова. Они в основном играли в летние месяцы в местах отдыха, а зимой – в школах или клубах по вечерам – танцевальную музыку. В последнее лето перед отъездом Габи в Париж они играли в Хаапсалу. Родители иногда покупали дешевые билеты на поезд, и мы ездили туда на один день. Мама очень гордилась Габи, у него ведь был свой «оркестр».



Яша все еще работал на заводе. Он зарабатывал немного, но всегда имел дешевые дрова для отопления зимой, для плиты и горячей воды.

Изи не окончил среднюю школу, он пошел работать в магазин мужских товаров, начал как курьер и разносчик, а через пару лет был переведен в магазин. Он снабжал семью дешевым бельем, носками и носовыми платками.

В 1937 г. Габи приехал из Парижа навестить нас и отметить мой день рождения – мне исполнилось 10 лет. Габби привез мне наручные часики. Я все еще носила их в конце 60-х гг.

Мы с Биней ходили в одну еврейскую школу. Он был в старших классах, а я – в начальных. Часто мы оба участвовали в одной и той же школьной постановке. Сунда жила очень близко от нас, поэтому мы всегда ходили вместе в школу и обратно, делали вместе уроки, и иногда она оставалась у нас на весь день. Но когда мы ходили на наши гимнастические тренировки в Маккаби, мы всегда проходили мимо мясной лавки Сундиных родителей, и нас угощали ломтиками салами. Два раза в неделю после обеда у нас были тренировки в помещении нашей школы.

Эти годы были самыми счастливыми в моем детстве. До отъезда в Париж Габи научил нас с Биней играть на рояле и на скрипке. Биня любил это, он часами упражнялся перед зеркалом, как это делал Габи. Я не очень-то любила упражнения, хотя музыку любила всегда. Зимними субботними или воскресными вечерами Габи и Яша играли, а мама пела. Это было просто замечательно.

Мы жили очень скромно; мы никогда не голодали. Свежие фрукты – яблоки и груши, а также разные ягоды мы ели только в сезон, это значит летом и осенью. Мама варила джемы и консервировала заготовки на зиму. Когда мы ходили в гости к нашим тетям или друзьям, или они приходили к нам, мама сравнивала качество их заготовок с нашими. Во время Пейсаха Яша или Изик покупали апельсины «Яффа», Изик любил почистить апельсин, сделать маленькую корзиночку и положить в нее дольки апельсина.

Родители никогда не тратили денег на сладости. Когда у меня собиралось достаточное количество бумажных пакетов от сахара, соли или других продуктов, я относила их в угловую лавку, и лавочник давал мне маленький пакетик с леденцами.

Когда к нам приходил дядя Аарон, в основном на праздничные обеды (он был неженатым), он приносил мне маленькую плитку шоколада.

Во время зимних каникул мы с Биней ходили на дневные театральные представления или детский балет. С Сундой мы бегали в кино на фильмы с Ширли Темпл.

В соседней квартире жили Варки, у них была единственная дочь Линда (младше меня на год). Она часто болела. Зимой мы играли в снегу или ходили кататься на коньках, и она всегда подхватывала простуду и должна была несколько дней оставаться в кровати.

Перед Рождеством я помогала Линде украсить елку, выучить рождественские песни и устроить представление. Летом я ездила с ней к ним на дачу в сосновом лесу, где ее тетя Лили приглядывала за нами. Она уверяла, что не будет готовить свинину. У родителей Линды был небольшой склад, они доставляли на мопеде товары в маленькие лавки. Мама с радостью разрешала мне играть с Линдой, наша семья никогда не могла позволить себе уехать из города отдохнуть летом.

В 1940 г. Советский Союз «освободил» Эстонию, Латвию и Литву. У родителей стало больше работы, и им лучше платили. Яша все еще работал на том же заводе, Габи был в Париже, Изик служил в армии. Биня учился в средней школе, я была в 6 классе. Русские закрыли еврейскую школу, обучавшую на иврите, и нам пришлось изучать все предметы на идише. Еврейских детей вынудили уйти из английского колледжа, французского лицея и других частных школ и перейти в единственную еврейскую школу. Но это длилось не долго. Эта школа была закрыта, когда началась война между Россией и Германией. Был солнечный воскресный день 22 июня 1941 г., когда в небе появились самолеты.

Габи был в Париже. Яша и Изик служили в армии. Это был, наверное, конец июня, когда поздно вечером пришли двое русских солдат с повесткой о мобилизации в армию Бини. На следующее утро папа, плача, срезал свои красивые локоны.

В конце июля 1941 г. советские власти предложили местному населению эвакуироваться в глубь России. Бывшие раньше зажиточными евреи отказались, потому что они ждали, что «немецкие джентльмены» освободят их от советского режима и вернут им магазины и фабрики, конфискованные советами в 1940 г. Никто не верил рассказам польских беженцев. Все евреи, особенно из Таллинна, могли спастись, потому что Таллинн пал только в конце августа. Наш раввин отказался бежать из-за того, что многие из его паствы решили остаться.

Наши мальчики были в армии, и Яша организовал нашу эвакуацию. Он пригнал грузовик и погрузил наши вещи, подушки и одеяла, и в последнюю минуту – мамину швейную машину. Более ценную мебель и рояль Яша отдал семье Варков. Наши вещи были погружены в багажный вагон, а мы ехали в пассажирском вагоне. Это была очень медленная и долгая поездка. Железная дорога на восток в Челябинск (на границе Уральских гор и Сибири) была запружена воинскими эшелонами, идущими на запад. Еду

мы покупали при любой возможности на маленьких железнодорожных станциях. На самом деле сначала наш эшелон должен был пойти в Ульяновск на Волге, но когда мы подъехали к Волге, немцы были уже очень недалеко от Москвы, поэтому мы поехали дальше до станции Увельки, около 100 км за Челябинском. Это был маленький поселок с железнодорожной станцией. Люди приходили посмотреть на беженцев, особенно на евреев. Местные жители евреев до этого никогда не видели. Нас отвезли в школу, и мы оставались там, пока не нашли жилье. Большинство беженцев поехало на юг, в сторону Кавказа, где более теплый климат. Мы остановились в колхозе Катаевка, в 2 км от станции. Нас взял к себе на квартиру бывший казак. Его жена не могла оторвать глаз от нашего белья и ночных рубашек. Она была потрясена тем, что мы раздеваемся и снова одеваемся, чтобы лечь в постель. Когда «казак», или как мы его называли «дедушка», заметил, как папа молится по утрам, он признался, что в молодости принимал участие в еврейских погромах. Когда он узнал, что трое наших мальчиков на фронте, он изменил отношение к нам. Он учил меня русскому языку, находил клиентов маме – шить все виды одежды – и говорил им, сколько надо заплатить за работу.

Дедушка и его жена были очень простыми и суеверными людьми. Когда бабушка рано утром шла доить корову, хвост коровы иногда был закручен, и бабушка была уверена, что это проделки черта. Она давала маме маленькую миску сала, думая задобрить этим черта. Мама была рада и жарила мне картошку. Мои родители не пробовали мяса до возвращения в Таллинн в августе 1944 г.

К зиме дедушка нашел нам пустую хибару. В ней была большая печь, место для стола, пары скамеек и двух кроватей. За хибарой был клочок земли для огорода. Родителям пришлось научиться выращивать овощи, отличать сорняки от полезных растений. За деревней колхоз выделял землю для посадки картошки. Это была очень тяжелая работа, все делалось руками – копали землю, пололи. Но зато у нас было достаточно овощей на весь год. У нас был погреб, где хранились картошка, морковь, тыква. Чеснок и лук висели в сенях, где папа сушил свой табак. Осенью мы собирали много грибов и мариновали их в большой кадке на зиму. Родители обшивали жителей деревни, а плату брали буханкой хлеба, банкой молока, миской сливочного масла или чашкой растительного. Тогда мама жарила картофельные оладьи. Три года мы не ели мяса и рыбы, но мы и не слышали бомб нацистов. Летом мы все работали в поле, даже школьники помогали. Зимой папа работал на фабрике, где шили одежду для армии. К зиме я научилась русскому языку настолько, что смогла пойти в школу.

У мамы был брат в Москве и сестра в Ленинграде. Через них мы поддерживали связь с мальчиками в армии. Яша служил в рабочем батальоне, они восстанавливали дороги. Изик и Биня были в резерве. Изик получил увольнительную на несколько дней и приехал навестить нас. Мама чуть не потеряла сознание, когда он вошел в нашу калитку.

С начала мая до конца сентября все работали в полях, занимаясь вспашкой, прополкой или поливом. Папа помогал в кузнице. Женщины и школьники работали в поле. Осенью, с началом учебного года, ученики должны были представить в школу справку из колхоза о том, что они работали в поле во время летних каникул.

В октябре со школой нас посылали в разные места собирать урожай картошки и свеклы. Нам нравилось уезжать из дома, прежде всего потому, что колхоз должен был кормить

молодых помощников, и в конце дня мы разводили большой костер, пели песни, пекли картошку и свеклу и ели до тех пор, пока мы уже больше не могли на них смотреть.

В Катаевке у меня была подруга Эля Сазонова. Она и ее мама были из Воронежа. Элин папа был в армии, мама работала в Воронеже библиотекарем. В Увельках она нашла работу в одном из государственных учреждений. У нас с Элей было много общего. Мы были одного возраста, здесь в Катаевке мы были в одном классе, в прошлом дома мы обе играли на рояле более или менее на одинаковом уровне. В школе у нас были самые высокие отметки по алгебре, у меня были самые низкие по русскому языку, но самые высокие – по немецкому. У Эли же были большие успехи в русском языке и литературе, но не такие хорошие в немецком, поэтому мы помогали друг другу. Так как Россия воевала с Германией, изучение немецкого языка в школе было обязательным. Мне было легче, потому что эстонский алфавит использует латинский шрифт, похожий на немецкий, и мы разговаривали на идише с немецким диалектом.

Школа была у железнодорожной станции, в 3 км от нашего колхоза. По дороге в школу мы всегда обсуждали наши домашние задания. У нас не было учебников и тетрадей. Мы покупали брошюры в кооперативной лавке и писали между напечатанными строчками. Эля была проворнее меня, поэтому я переписывала ее записи после школы. Иногда мы получали посылку с чистой бумагой, и папа пытался сделать из нее маленькие тетради. Зимой 1941-42 гг. ученики 7-го и 8-го классов учились в первую смену, но в 1942-43 гг. школьников стало больше, и в школе ввели две смены – начальные классы учились по утрам, а 7-10 классы – во вторую смену. Поэтому, когда кончались уроки, особенно в ноябре и декабре, когда дни были очень короткими, мы возвращались в темноте. Дорога проходила очень близко от леса, зимой мы слышали вой волков. Было очень страшно. Зимой 1943 г. Эля с мамой поселились в Увельках, поэтому я много раз оставалась ночевать у дяди Абрама. Мы приехали с ним в одном эшелоне, но он вместе со своей семьей – женой Ньюшей, дочерьми Анеттой и Несей и внуками Зипой и Иоси – поселился в Увельках. Он обшивал больших начальников. Анетта работала в отделе карточек, поэтому у них в доме всегда были хлеб, сахар и мыло. Но когда я оставалась у них ночевать, я всегда приносила с собой свой хлеб.

Воду мы носили из деревенского колодца. Летом там всегда собирались поболтать, а зимой около колодца все покрывалось льдом, и было очень скользко нести на коромысле два ведра, но мы делали это. Только так можно было добыть немного воды. Мы никогда не голодали. Мама пекла хлеб из картошки, отрубей и добавляла в него размельченные картофельные очистки.

Летом 1943 г. папа нашел работу по заготовке веников для фабричной бани. Их делали из березовых веток с листочками, ими били по телу во время мытья в бане, что было очень полезно для кровообращения. Вся наша семья занималась этой работой, и в первый раз мы получили хлебные карточки. Папа принес первые две буханки хлеба в субботу утром. В полдень он благословил хлеб и заплакал. Я долго не могла понять, почему.

Я росла без друзей, прогулок или танцев, других подростковых радостей, но я хотя бы могла учиться без бомб, без нацистов.

В 1942 г. в Катаевку приехала еще одна еврейская семья – господин Рабинович с двумя дочерьми. Они работали на военном заводе, получали хорошие продовольственные карточки, поэтому мы могли обменивать овощи с нашего огорода, особенно маленькие огурцы для засолки, на чашку растительного масла, сахар или кусок мыла. Рабинович познакомил меня с еврейским календарем, научил, как устанавливать даты еврейских праздников в зависимости от того, сколько дней в месяце. Он был очень религиозным. По субботам и праздникам он приходил в нашу хибару молиться с папой.

В 1944 г. Таллинн освободили, и я получила первое письмо от Линды. Яша и Биня находились в Таллинне в русской армии. Изик жил в Свердловске, работал на заводе. Там он встретил Бибу и женился на ней. Яша вернулся с войны с женой Лидией и маленькой дочкой Шурой. Позже в 1945 или в 1946 гг. мы узнали через ХИАС или международный Красный Крест, что семья в Париже и наш Габи остались в живых. Они скрывались от нацистов в Пиренеях.

Люди из Эстонии, жившие недалеко от поселка Увельки, стали готовиться к отъезду домой. Они раздобыли товарный вагон, мужчины сделали из досок нары вдоль стен вагона. Каждой семье предназначался свой угол. В середине вагона была маленькая печка для кипячения воды и разогревания еды. Так, в конце октября 1944 г. мы покинули колхоз Катаевка. Местные жители тепло проводили нас. Они положили все наши вещи в телегу, запряженную быком, дали нам в дорогу сухарей и отвезли нас на станцию. Начальник станции дал каждой семье хлебные карточки, а для детей – карточки на сухое молоко и яичный порошок. Прощание было очень грустным. Поездка на запад проходила очень медленно. Война еще продолжалась. Железные дороги были забиты двигающимися на запад войсками и техникой. Иногда наш вагон простаивал несколько дней на запасных путях. Мужчины ходили к начальнику станции и просили отоварить наши карточки. Вместо того, чтобы выдать продовольствие для 20 человек, он передвигал наш вагон на передние позиции, и мы снова двигались. Но иногда мужчинам удавалось купить на черном рынке концентрированный суп, сделанный в США, тогда все были счастливы. На каждой станции можно было добыть кипятка и немного дров для печки.

В середине декабря мы добрались до карантина в Кивиыли. Это место было в нескольких часах езды от Таллинна. Было очень холодно, и шел сильный снег. Мы все завшивели. Чтобы вшей выкурить, пришлось много потрудиться. У мамы от неподвижного двухмесячного сидения распухли ноги. Она больше недели лежала в кровати, чтобы избавиться от опухоли. Папа помогал на кухне, колол дрова и носил воду. В оплату за это он приносил маме еду. Яша был в Таллинне и знал о наших делах. В те дни невозможно было получить разрешение на проживание в Таллинне. Таллинн был большим портом, и страна все еще воевала. Несмотря на то, что мы были старыми таллиннскими жителями, мы не смогли получить разрешение на проживание в городе. Яша нашел господина Варка (отца Линды), он работал в учреждении, где регистрировали вновь прибывающих в город людей. Семья Варков уступила нам одну комнату в своей квартире. Они были дворниками в доме, который до 1940 г. был их собственностью. В этом доме было 4 квартиры. Когда советские конфисковали дом, Варки были счастливы остаться в нем хотя бы дворниками. Дом находился в Нымме, пригороде Таллинна, в 15 км от него. Господин Варк зарегистрировал нас в своем помещении, так мы получили разрешение жить в Таллинне. Яша, Лидия и двухгодовалая Шура жили в армейских бараках. Через несколько недель с помощью Варка Яша нашел трехкомнатную квартиру в частном доме в Нымме. Она была

на втором этаже. Вокруг дома росли ягодные кусты, вишневые деревья. Недалеко был сосновый лес.

Первая комната была нашей гостиной, во второй жили Яша, Лидия и Шура, в третьей комнате были три кровати и платяной шкаф. У нас была большая кухня с дровяной печкой. Чаще всего мы ели на кухне. Семья Варков сохранила наши рояль, обеденный стол, стулья и шкафы. Мы были счастливы, что нам их вернули.

Папа нашел работу в том же пошивочном кооперативе, где он работал до войны. Там изготавливали армейские и флотские головные уборы. Мне надо было окончить среднюю школу. Так как в последние три года я изучала все предметы на русском языке, мне было легче поступить в русскую среднюю школу.

В город мы ездили на электричке. Мама настаивала, чтобы я возобновила уроки музыки. Школы были переполнены, поэтому старшие классы учились во вторую смену. По утрам у меня были уроки музыки, потом я обедала и ехала в школу, так что дни были очень занятыми. Иногда по утрам у меня было время для уроков или упражнений на рояле. Яше всегда удавалось добыть бесплатные билеты на фортепианные и камерные концерты. Он встречал меня после школы, и мы вместе наслаждались. Лидия не любила классическую музыку. Но у нашей мамы до сих пор был красивый голос, и она научила нашу маленькую Шуру многим русским песням. Трехгодовалой Шуре часто удавалось с помощью песни выпросить у бабушки лишнее печенье. Она была красивым ребенком со светлыми кудрявыми волосами.

Когда пришла весна 1945 г., родители нашли на окраине города клочок земли под огород. Они выращивали в основном картошку и капусту на зиму и регулярно ходили на участок. Он был очень близко от армейских барачков. Один раз, когда родители пересекали армейское поле, за ними побежал один солдат. Родители испугались, что они сделали что-то не так. Но Лейб Эпштейн (так звали солдата) объяснил, что он услышал, как родители говорили на идише, на котором он не разговаривал с тех пор, как покинул Польшу в 1941 г. Родители были счастливы встретить солдата-еврея, пригласили его к нам. Лейб попросил разрешения привести с собой своего лучшего друга Майрима (Мишу, по-русски), с которым он бежал от нацистов и оказался в русской армии. Через несколько дней они получили увольнительные и пришли к нам. Лейб был сержантом, он потерял всю семью во время нацистского режима. Миша был офицером, лейтенантом, он тоже потерял семью в войне, кроме сестры Тарды и брата Соломона, которые уехали из Польши в 1936 г. в Канаду.

В мае 1945 г. мы все вместе праздновали окончание войны. Изя и Биня приехали домой, оба здоровые, но они оставались в армии из-за отсутствия работы и жилья. Через Красный Крест мы нашли Габи где-то во Франции. Но в сталинское время не разрешалось переписываться с заграницей, поэтому мы потеряли с ним контакт. Теперь, когда я собираю материал для этой книги, я очень серьезно пыталась через ХИАС и Красный Крест найти его и восстановить переписку, но безуспешно.

Только немногие из моих старых школьных друзей пережили войну. Одной из них была Яффа Розинко, из класса Бини – Хоне Аранович, он был армейским офицером, мы часто с ним встречались, пока его не перевели в Ленинград.

На школьный выпускной вечер я пригласила Мишу, и тех пор мы дружили вчетвером – Лейб и Яффа, я и Миша. Он всегда приходил с маленьким подарком, тщательно одетый, с улыбкой на лице. Мама очень привечала Лейба и Мишу в нашем доме. Миша впоследствии стал членом нашей семьи.

Когда я окончила среднюю школу, я хотела изучать медицину, но в Таллинне не было медицинского института, ближайший был в Ленинграде. Осенью у мамы обнаружили рак, и я не могла уехать из дома. Я стала работать в той же мастерской, что и папа, сначала курьером, а через несколько месяцев начала учиться шитью.

У Миши был мотоцикл с коляской. По выходным и в хорошую погоду мы ездили с его сослуживцами в Пирита или в лес на пикник. Миша до приезда в Таллинн никогда не видел моря. Он был очарован его красотой. Долгими летними днями мы пользовались любой возможностью, чтобы поехать в Пирита. Еще ребенком я научилась плавать, и по сравнению с Мишей была довольно хорошей пловчихой. Я продолжала работать в том же месте и играть на рояле. Яша, как бывший военный, сумел купить старый маленький дом с маленьким садом, и он выехал из квартиры в Нымме. Изи и Биба получили нашу старую квартиру на улице Томпи. Биня стал жить с нами, и иногда Миша оставался на выходные.

Яффа уехала из Таллинна. Лейб познакомился с Рут Шер на службе, она работала мужским парикмахером, оба они были очень одинокими. Они поженились в ноябре 1946 г.

Маме становилось все хуже. Миша показал ее лучшим врачам и профессорам в лучшем военном госпитале. Но у нее был прогрессирующий рак печени, и ей хотелось дожить до свадьбы своей единственной дочери.

Я встречалась с Мишей полтора года, и когда он сделал мне предложение, я поняла, что он на 12 лет старше меня. В воскресенье утром Лейб был с ним, когда он попросил у папы моей руки, и папа дал свое согласие. Но я не была готова выйти замуж, особенно за мужчину, намного старше меня. Биня имел со мной долгий разговор. Люблю ли я Мишу? Да, люблю. Если бы он соврал, и я бы не знала его настоящего возраста, вышла бы я за него замуж? Полагаю, что да. Тогда в чем проблема? Я решила выйти замуж, и мы счастливо женаты около 45 лет.

Мы стали готовиться к свадьбе. Миша демобилизовался, но он остался в военно-морском цехе, где ремонтировалась вся техника. Он был техническим руководителем этого цеха. Ему дали купон для пошива штатской одежды, и он заказал красивый костюм. Папа все еще шил для флота белые бескозырки, и в своей мастерской он получил материал для моего свадебного платья. Моя подруга из технического училища сшила мне его. Осталось найти фату. Мама нашла немного марли от занавесок, и моя кузина Анна сделала красивую фату.

Мы решили пожениться 31 декабря 1946 г., чтобы иметь после свадьбы хотя бы один свободный день, 1 января. Самой большой проблемой было добыть продукты для нашей свадьбы. Вся семья под маминым руководством помогала готовить и печь. Мама сидела на кухне и говорила нам, что делать. Большую часть продуктов мы купили на черном

рынке. Миша достал где-то 10 литров 90-процентного спирта, который он надеялся разбавить и получить водку. Человек, который должен был привезти спирт, никак не мог завести машину. Он завел ее только с помощью заводной ручки, бросил ее в кузов машины и разбил 10-литровую бутылку со спиртом. У Миши было много хороших друзей, поэтому нам привезли другую бутылку.

Утром 31 декабря мы зарегистрировались в ЗАГСе. Свидетелем был Лейб. Вечером в нашем доме была хупа. Это была первая после войны религиозная свадьба в Таллинне. Нам повезло, что удалось найти старого хазана, Гуревича, который провел церемонию. Мои родители были так счастливы, что у их единственной дочери, одной из всех детей, была настоящая религиозная церемония. Я обошла под покрывалом семь раз вокруг Миши, села на стул, и Миша открыл мое лицо. После церемонии ребята помогли убрать хупу, и все сели за стол. У нас на свадьбе было около 70 человек. Большинство из них были наши родственники, пережившие в войну и вернувшиеся в Таллинн. С Мишиной стороны не было ни одного родственника, но зато были друзья-офицеры и сотрудники. Яша играл на нашем старом рояле, и мы танцевали всю ночь. Мы встретили 1947 г. полупьяными. Мы нашли дядю Мулю спящим на ступеньках в коридоре. После нашей свадьбы я покрасила свое платье в бледно-голубой цвет и надевала его на все танцы. Миша хорошо танцевал, и он научил меня всем новым танцам.

Состояние маминого здоровья стало быстро ухудшаться, и она умерла в конце февраля, за неделю до Пурима. Была пятница, мама помогла порубить морковь для цимеса, вечером она благословила субботние свечи, и ночью умерла. Миша был с ней, я не могла. После маминой смерти я была потеряна, похороны были в воскресенье, очень холодным зимним днем. Сколько я ни плакала и ни кричала, я не смогла вернуть ее. Я хотела попросить прощения за все огорчения, которые я принесла ей в моем детстве, но было поздно. Только Всевышний знал, как я была потеряна. К счастью, Миша был и остается очень преданным мужем, и он помог мне пережить горе.

Через пару месяцев, когда я обнаружила, что беременна, мы обменяли свою квартиру в Нымме на квартиру в Таллинне. Нам повезло. Три большие комнаты, туалет, кухня и рядом с кухней – маленькая комната, где была папина швейная машина, и где он работал.

На соседней улице было техническое училище. Я поступила в него и окончила, получив профессию портнихи. Как я говорила раньше, я не смогла изучать медицину, а это училище располагалось очень удобно, я посещала его во время беременности, мне дали отпуск до и после рождения ребенка.

Училище было рядом. Я ходила домой кормить Иму, папина новая жена Фрида присматривала за ним.

После года траура папа снова женился. Я думаю, папина сестра тетя Нюта сосватала его. Я была очень недовольна папой, когда он сказал нам, что женится. Но я напомнила себе, как мама в ту пятницу утром подозвала меня к своей кровати и сказала, что она сегодня умрет, папа женится снова, не мешай ему, ему нужна женщина. Только я должна была проследить, по словам мамы, чтобы новой жене не достались мамины вещи.

Фрида была старой девой, никогда не была замужем, очень тихий человек. Она очень старалась угодить мне, поэтому очень хорошо нянчила Иму. Через несколько месяцев мне удалось найти няню. Но об этом потом.